

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161-9
doi: 10.17223/15617793/481/1

Роман-фельетон в творчестве Е.П. Ковалевского и Ф.М. Достоевского

Елена Владимировна Александрова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, alexandrova.aulena@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена традициям фельетонного романа в творчестве Е.П. Ковалевского и Ф.М. Достоевского в 40-е и 60-е гг. XIX в. Рассматриваются жанровые особенности романа-фельетона и их трансформация в творчестве писателей. Основанием для сопоставления являются типологическое сходство образной и повествовательной структуры, отдельные детали сюжета, общность демократических идей и способов их воплощения.

Ключевые слова: Е.П. Ковалевский, Ф.М. Достоевский, роман-фельетон, «Униженные и оскорблённые», «Петербург днём и ночью»

Для цитирования: Александрова Е.В. Роман-фельетон в творчестве Е.П. Ковалевского и Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 5–14. doi: 10.17223/15617793/481/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/1

The feuilleton novel in Yegor Kovalevsky's and Fyodor Dostoevsky's works

Elena V. Alexandrova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, alexandrova.aulena@yandex.ru

Abstract. The article examines traditions of the feuilleton novel in the works of Yegor Kovalevsky and Fyodor Dostoevsky. In the 1840s, both writers were influenced by the ideas of utopian socialists. In this sense, the social novel was especially important for the Petrashevists, in particular, *The Mysteries of Paris* by Eugène Sue. Both Kovalevsky and Dostoevsky start from Sue's social novel, but bring the necessary national flavor to their works. The article deals with the genre nature of the feuilleton novel – the plot that is “amenable to serial deployment”. Various types of heroes, characters, a kaleidoscope of situations that replace one another will find a logical continuation in Kovalevsky's feuilleton novel *Petersburg Day and Night* and in Dostoevsky's novel *Humiliated and Insulted*. The genre core of any feuilleton novel is a certain mystery associated with the origin of the main hero or heroine. The realistic depiction of destitute people's life and the romantic explanation of their fate, the path to the bottom of society – all this is embodied through the fate of the Singer in Sue's work, Oborvshy (Ragamuffin) in Kovalevsky's work, and Nelly and her mother in Dostoevsky's work. The “mystery” becomes an objective picture of the narrative, and its solution is the answer to the question of the origin of the hero's poverty. The genre of the feuilleton novel involves certain types of characters. Following the traditions of Sue, both Kovalevsky and Dostoevsky build the plot through the mystery associated with the fate of the child. The novel by Kovalevsky could interest Dostoevsky not only by its obvious parallels with the French feuilleton novel. *Petersburg Day and Night* is one of the Russian novel fiction's images of the 1840s, which reflects the advanced social and democratic ideas of the time. Kovalevsky's interest in social problems in the novel was connected not only with the depiction of life's contrasts, but to a large extent with the study of the complex, dramatic fate of the 1840s generation – he depicts the fate of people from different social orders, draws their psychology and changing portrait. These same problems concern Dostoevsky both in his youth and during the period of writing of the novel. The realistic details with which both Kovalevsky and Dostoevsky describe the fates of their characters, the ideas of time that are transformed in their views are manifested through the synthesis of natural and sentimental forms. The works of Dostoevsky and Kovalevsky, written at different times, have a close relationship with each other, which is based on the commonality of both ideas and ways of their embodiment.

Keywords: Yegor Kovalevsky, Fyodor Dostoevsky, feuilleton novel, *Humiliated and Insulted*, *Petersburg Day and Night*

For citation: Alexandrova, E.V. (2022) The feuilleton novel in Yegor Kovalevsky's and Fyodor Dostoevsky's works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/1

Е.П. Ковалевский – широко известный в середине XIX в. путешественник, общественный и политический деятель, писатель, первый председатель «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Взаимоотношения Ковалевского с Ф.М. Достоевским в литературоведении рассматривались в рамках деятельности Литературного фонда [1. С. 86–88]. Однако истоки их знакомства, а впоследствии и дружбы следует искать гораздо раньше. Известно, что в 1840-е гг. идеи социалистов-утопистов привели Достоевского и Ковалевского в кружок Петрашевского. «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. <...> Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими» [2. Т. 21. С. 130], – напишет Достоевский в «Дневнике писателя» в 1873 г.

Во многом именно под влиянием этих идей Ковалевский стал писать роман «Петербург днём и ночью», в котором показал жизнь «петербургского дна» [3. С. 163]. Он был опубликован в 1845–1846 гг. в «Библиотеке для чтения» (№ 72–73, 75–76). Роман состоял из шести частей, постепенный печатный выход которых соответствовал моде на французские романы с продолжением – привлечь читателя и повысить тираж издания. Произведению Ковалевского была дана строгая оценка В.Г. Белинским, который писал в критическом разборе «Русская литература в 1845 г.»: ««Петербург днём и ночью» – пародия на «Парижские тайны»; сочинитель, впрочем, не думал писать пародию, – пародия вышла против его воли, и оттого читать её очень скучно. Ни образов, ни лиц, ни характеров, ни правдоподобия, ни естественности, ни мыслей! Зато фраз, фраз – разлитое море! Давно уже не являлось в русской литературе такого странного произведения» [4. Т. 9. С. 395].

Практически в том же русле впечатление от нового романа отметил в своем дневнике А.В. Дружинин (запись от 23 сентября 1845 г.): «Между прочими вещами я прочитал с «испытующим видом» новый роман (начало) Ковалевского: «Петербург днём и ночью» и посмеялся усилиям автора подделаться под манеру Сю в «Mysteres de Paris». Такие же картины бедности, грязи, такой же сюжет, оборвавшийся на soi-disant (так сказать) интересном месте» [5. С. 145].

В знаковой статье В.Н. Майкова «Романы Вальтера Скотта. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1847) роман Ковалевского также был упомянут в не очень лестном ключе: «Романы Загоскина пользовались у нас таким же успехом, как и все произведения нашей подражательной литературы от мадригалов Тредьяковского до «Петербургских тайн» г. Ковалевского» [6. С. 373]. Причем невольная перемена названия романа – не «Петербург днём и ночью», а «Петербургские тайны» – дополнительно свидетельствует о том, что «книга Ковалевского воспринималась Майковым как русский вариант «Парижских тайн»» [7. С. 21].

Лишь в «Иллюстрации» (от 29 сентября 1845 г.) была высказана иная точка зрения: «В литературе мало нового. В сентябрьской книжке «Библиотеки для

Чтения» появилась I часть нового романа Е.П. Ковалевского, под заглавием «Петербург днём и ночью». <...> мы с удовольствием слышали отзывы многих членов читающей публики, которые в этом романе вовсе не видят «Парижских Тайн», а занимательностью и рассказом весьма довольны» [8. С. 398]. Противоположность общему отрицательному впечатлению, вероятно, объясняется заинтересованностью и близостью автора отзыва либо к редакции журнала, в котором появился роман, либо к самому писателю.

«Петербург днём и ночью» сделал Ковалевского одним из первых в русской литературе авторов романа-фельетона, который хотя и был практически сразу отнесен к произведениям «второго ряда», но все же стал той «почвой», на которой произрастала современная писателю-путешественнику литература. Подобная литература «предвосхищает художественные открытия «первого ряда»» [9. С. 400]. По справедливому замечанию И.А. Гурвича, ««обыкновенные таланты» нащупывают, а то и открывают для разработки те тематические, проблемные пласты, которые позднее будут глубоко вспаханы классикой» [10. С. 62].

Одним из авторов, воспринявших фельетонный опыт Ковалевского, оказался Достоевский, «литературность» которого подчеркивали многие исследователи. Известно, что Достоевский читал не только О. де Бальзака, В. Гюго, Ф. Шиллера, Ч. Диккенса, Ж. Санд, но и А. Радклиф, Ф. Сулье и, конечно, Э. Сю. Достоевский испытал большое влияние фельетонного романа и использовал приемы этого «низкого» жанра в своем творчестве. Он учился у европейских писателей искусству поддерживать острый драматический интерес читателя. Но и русский роман-фельетон был знаком Достоевскому, который писал брату М.М. Достоевскому об отечественных заимствованиях в этом русле (письмо от 24 марта 1845 г.): «Beranger сказал про нынешних фельетонистов французских, что это бутылка chambertin в ведре воды. У нас им тоже подражают» [2. Т. 28, кн. 1. С. 107].

Черты романа-фельетона наблюдаются во многих произведениях Достоевского, но с наибольшей очевидностью они проявляются в «Униженных и оскорблённых», которые будут написаны уже после каторги и ссылки. В комментариях к роману в полном собрании сочинений Достоевского отмечается «обилие литературных цитаций, упоминаний и намеков», среди которых – интересная параллель с «социально-авантюрным романом Е.П. Ковалевского». «Петербург днём и ночью» – один из первых романов из жизни социальных низов Петербурга, написанный под влиянием «Парижских тайн» Э. Сю и романов Диккенса. «Достоевский мог читать этот роман Ковалевского в молодые годы и сохранить в памяти некоторые его детали». В частности, «значительное место в романе Ковалевского (как и в других социально-авантюрных романах 1840-х гг.) занимает мотив раскрытия тайны происхождения одного из главных его героев Оборвыша; а другой персонаж Ковалевского – князь – может с достаточным основанием рассматриваться как отдаленный прообраз Валковского. Фигурирует в романе и художник по фамилии Миллер».

Далее автор комментария поясняет, что в юности Достоевский мог познакомиться с текстом произведения Ковалевского, так как он публиковался в «Библиотеке для чтения» вместе с романом Жорж Санд «Теверино», хорошо знакомым писателю, «поэтому номера эти не могли не привлечь к себе внимания будущего автора “Униженных и оскорбленных”» [2. Т. 3. С. 625–626].

Прямых указаний на знакомство Достоевского с романом Ковалевского не обнаружено ни в эпистолярной, ни в публицистике будущего классика. Однако основания для подобного сравнения дают типологическое сходство образной и повествовательной структуры, отдельные детали сюжета, практически повторяющиеся в некоторых эпизодах. Известно, что Достоевский не отвергал обвинений даже самых близких ему критиков (Н.Н. Страхова и А.А. Григорьева) в фельетонном построении «Униженных и оскорбленных». Но в отличие от их оценки этого «низкого жанра» «с позиций традиционной романтической эстетики», Г.М. Фридлендер доказал, что Достоевский «признавал жанр романа-фельетона закономерным явлением современной реалистической литературы и стремился насытить его глубоким психологическим, нравственным и социальным содержанием» [2. Т. 3. С. 626].

Чем роман Ковалевского мог привлечь и заинтересовать Достоевского? Конфликт, заявленный в «Петербургском днём и ночью», был близок автору «Униженных и оскорбленных» как по содержанию, так и по способу воплощения. В 1840-е гг. и Достоевский, и Ковалевский испытали на себе влияние идей социалистов-утопистов. Фурьеристы утверждали, что человек их времени дисгармоничен, и поэтому прийти к гармонии невозможно, если не знать законов, управляющих миром. «Они стремились к тому, чтобы анализировать человеческие страсти» [11. С. 67] – дружбу, честность, любовь и семейные отношения. В этом смысле для петрашевцев был, конечно, особенно важен социальный роман, в том числе уже упоминаемые «Парижские тайны» Сю. Белинский, объясняя причины успеха этого французского романа, пишет: «...роман достиг своей цели. <...> он заставил общество потолковать несколько времени о народе» [2. Т. 8. С. 184].

Достоевский в 1840-е гг. не пропускал ни одного романа Э. Сю («Вечный жид недурён. Впрочем, Сю весьма недалёк» [2. Т. 28, кн. 1. С. 110]), пытался перевести вместе с братом «Матильду» и учился у Белинского тому, что ещё не понимал Сю: «...зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества» [4. Т. 8. С. 174]. Небывалый успех Сю в России обусловлен как социально-экономическими, так и общественно-политическими причинами. Французская литература 1830–1840 гг. стремилась «насытить художественные сочинения историко-социальной проблемностью, отражающей дух эпохи» [9. С. 400]. Авторы романов-фельетонов, в частности Эжен Сю с «Парижскими тайнами», активно использовали достижения современной литературы, создавая собственную поэтику романа, которая включала как соединение сентименталистских и романтических мотивов, так и соприкосновение «с ре-

алистическими романскими моделями» [12. С. 168–169]. Поэтому, с одной стороны, поэтика романа-фельетона основывается на контрастах – добра и зла, положительных и отрицательных героев; на «резкой смене декораций», театральных эффектах, «необходимости варьирования хронотопов» [12. С. 155], принципе калейдоскопа. И в то же время, с другой стороны, мы наблюдаем «пробудившийся интерес к повседневности», «морализаторский пафос» [13. С. 135], «народный роман-фельетон все больше предпочитал реалистическую детерминированность характеров и обстоятельств, причинность событий» [12. С. 155]. Отсюда и «дидактизм», и «эстетика актуальности», что характерно для журналистики в целом, и коммерческая составляющая – конкуренция между периодическими изданиями, роман должен был хорошо продаваться, интерес публики поддерживаться на протяжении долгого времени.

Что привлекало современников в фельетонном романе? Занимательность сюжета, криминальные истории, семейные тайны, роковые страсти, простота изложения и доступность восприятия.

Влияние творчества Э. Сю на фельетонный роман Ковалевского, а впоследствии и Достоевского, очевидно. Но отталкиваясь от социального французского романа, оба писателя вносят необходимый национальный колорит в свои произведения. Разница видна уже в самих заглавиях. «Парижские тайны» нацеливают на уголовно-авантюрный сюжет, который заявлен с первых страниц. Название произведения Ковалевского «Петербург днём и ночью» созвучно французскому, но обращает внимание читателя на контрастное изображение образа Петербурга, знакомого читателям по произведениям Н.В. Гоголя. Поэтика контрастов становится художественным воплощением социального романа. Противопоставление мира людей обездоленных и наделенных властью и богатством, благородных и подлых определяет развитие конфликта.

Название романа Достоевского «Униженные и оскорбленные» оказывается гораздо глубже. Важно, что эти два слова не являются синонимами. «Человека можно унижить, растоптать, покорить обстоятельствам» [14. С. 148], но герои Достоевского способны чувствовать оскорбление и презирать своих угнетателей. Таковы Елена, старик Ихменёв, Наташа.

Ковалевский во многом следует жанровой природе романа-фельетона – фабуле, «поддающейся серийному развертыванию» [13. С. 137]. «Серийность» была опробована им в жанре очерка, а именно в произведении, сделавшем его известным, – «Странствователе по суше и морям» (1843). Различные типы героев, характеров, калейдоскоп ситуаций, сменяющих одна другую, – все это найдет логичное продолжение в фельетонном романе.

Этот же принцип находится и в основе построения романа Достоевского «Униженные и оскорбленные». Характерно, что завязка детективного сюжета связана здесь, подобно Ковалевскому, с образом старика. Отец Оборвыша и Смит предстают перед читателем схожими типологически. И тот, и другой являются жертвами не обстоятельств, а конкретных людей. Явные параллели просматриваются в описании их внешности.

«Петербург днём и ночью»

...грозный, страшный как дух смерти», «он до того **исхудал**... что кожа **жёлтая, тонкая, казалось, приросла к костям** и, плотно обхватывая их, представляла из него вид **скелета**¹.

Только пара глаз, **дотоле тусклых**, теперь сверкали из своих глубоких впадин и придавали жизнь этому выходцу могилы [15. С. 29]

«Униженные и оскорблённые»

Действительно, как-то странно было видеть такого **отжившего свой век** старика одного, без присмотра, тем более что он был похож на сумасшедшего, убежавшего от своих надзирателей. Поражала меня тоже его **необыкновенная худоба**: тела на нем почти не было, и как будто **на кости его была наклеена только одна кожа**. Большие, но **тусклые** глаза его, вставленные в какие-то синие круги, всегда глядели прямо перед собою, никогда в сторону и никогда ничего не видя, — я в этом **уверен** [2. Т. 3. С. 170]

Жанровым ядром романа-фельетона является некая тайна, связанная с происхождением главного героя или героини [9, 12, 13]. Реалистическое изображение быта обездоленных и романтическое объяснение их судьбы, путь на дно общества — все это воплощается через судьбы Певуны у Сю, Оборвыша у Ковалевского и Нелли и ее матери у Достоевского. «Гайна» становится объективной картиной повествования, а разгадка ее — ответом на вопрос о происхождении бедности героя.

Жанр романа-фельетона предполагает определенные типы героев: «среди персонажей непременно встречаются “палачи” и “жертвы”, “злодеи” и “ангелы”» [13. С. 128]. Следуя традициям Э. Сю, и Ковалевский, и Достоевский показывают сложные семейные отношения, связанные с судьбой ребенка. Каждый из писателей наделяет своих юных героев и героинь индивидуальными чертами, в которых чувствуется влияние Сю. Так, Женни («Петербург днём и ночью») и Лилия-Мария

(«Парижские тайны») брошены своими матерями и оказались на дне жизни. Обе обладают ангельской душой, что проявляется и в их внешности.

Очевидно, что образ Женни навеян романом Сю, тайна ее происхождения раскрывается по всем законам социально-авантюрного романа. Небезынтересно сравнить развитие этого образа у Ковалевского с образом Нелли из «Униженных и оскорблённых». Достоевский так описывает свою героиню: «**Это была девочка лет двенадцати или тринадцати, маленького роста, худая, бледная, как будто только что встала от жестокой болезни. Тем ярче сверкали ее большие черные глаза. Лево́й рукой она придерживала у груди старый, дырявый платок, которым прикрывала свою, еще дрожавшую от вечернего холода, грудь. Одежду на ней можно было вполне назвать рубищем; густые черные волосы были не приглажены и всклоочены**» [2. Т. 3. С. 208–209].

Лилия-Мария

В силу какой-то странной аномалии личико Певуны принадлежит к тому целомудренному, **ангелоподобному** типу... Певунье **шестнадцать** с половиной лет. <...> длинные, слегка загнутые ресницы наполовину зате́няют ее большие **голубые глаза**... На ее нежных, как атлас, висках закругляются две великолепные пепельные косы, которые, оставив на виду розоватые, **как лепестки роз**, мочки ушей, исчезают под тугими складками **ситцевого платка** в голубую клетку, завязанного по-простонародному надо лбом.

Ее красивая шейка **ослепительной белизны** охвачена маленьким коралловым ожерельем. Под платьем из коричневого бомбазина, слишком для нее широким, угадывается тонкая, округлая и гибкая, **как тростник**... [16. С. 23]

Женни

Мой добрый **ангел-хранитель** <...>

Я показывал тебе **Рафаэлева ангела** на картине?... Рафаэль видел во сне твою улыбку, твой взгляд. И придал их другому лицу [10. С. 142].

Видали вы Рафаэлевых ангелов, вложите в них **душу Женни**, но **душу Женни** непременно, потому что другой такой **души** не найдётся, <...>

Девочка по виду лет **тринадцати**, худая, бледная, но живая, миленькая. В **ситцевом платье**, весьма-весьма поношенном, но все-таки опрятном.

Глаза ее ясные, **голубые, глубокие как небо**, но не это, северное небо <...>

Волосы, прекрасного каштанового цвета, шелковистые, **мягкие, такие мягкие** [17. С. 56]

Героини Ковалевского и Достоевского одного возраста, но в передаваемом авторами общем впечатлении есть существенные различия. Ковалевский акцентирует внимание на душе героини, лишь вскользь

подчеркивая ее бедность. Достоевский подробно описывает портрет девочки, обращая внимание на ее нищенский облик. В описании героинь есть детали, которые восходят к роману Сю:

«Парижские тайны»

...хотя стояла зима, на мне не было ни чулок, ни рубашки, одно только поношенное полотняное платье да сабо на ногах [16. С. 34]

«Петербург днём и ночью»

Я в эту ночь кончила чулочки, помнишь, что вязала; утром понесла их продавать. Мне стыдно было протянуть руку и показывать их всем проходящим, однако я держала их так, что видны были: никто и не взглянул на них [17. С. 143]

«Униженные и оскорблённые»

Поправляясь, она вдруг обнажила свою ногу, и, к величайшему удивлению моему, я увидел, что она была в одних дырявых башмаках, без чулок. [2. Т. 3. С. 256]

Продолжение истории с чулочками у Ковалевского, кроме того, вызывает ряд аллюзий с будущими произведениями Достоевского: «...под конец уже утра, шел мимо меня какой-то пожилой человек, такой почтенный по виду, и приказал мне идти за собою, говорил так хорошо и обещал купить чулочки. Я пришла к нему; он обнял меня и поцеловал, потом еще... да глядел на меня такими глазами, что мне стало страшно; тут я вспомнила твои слова, Фриц, чтобы не очень доверять мужчинам, вырвалась из его рук и убежала, прямо домой: я больше не смела показаться на улице. – И хорошо сделала, Женни, поцелуй таких людей, как тот почтенный, могут загрязнить тебя на всю жизнь» [17. С. 143]. Эпизод «с пожилым господином», воспринятый ребенком на интуитивном уровне как посягательство на честь, продолжает традиционный для фельетонного романа Сю мотив бесчестия (Лилия-Мария, Луиза Морель). Изображение социальных пороков на примере растления незащищенной девочки будет и в «Униженных и оскорбленных» (в сцене фактической продажи ребенка Бубновой), и в сцене с пьяной девочкой в романе «Преступление и наказание».

Трудности, которые испытывает Женни, усугубляются ее похищением и опасностями, которые она преодолевает вместе с Оборвышем. Но по законам романа-фельетона все закончится благополучно, справедливость восторжествует.

Судьба Нелли гораздо реалистичнее и от этого трагичнее. Главное у Достоевского, в отличие от Сю и Ковалевского, – не развитие действия, не смена событий, а пристальное внимание к «эпосу будней и воссозданию поэзии духовного мира» [18. С. 36], что было принципиально связано с изучением психологии героев. Образ Нелли сложен и глубок. Автор демонстрирует и зарождение первого чувства любви, и недетское понимание взаимоотношений Ивана Петровича и Наташи, бескомпромиссность в отношении Смита и Ихменёва. Много в Нелли не всегда ясно и Ивану Петровичу, иногда он не понимает, что в своей любви к Наташе забывает о страданиях девочки, заставляя ее рассказать историю матери, которая не так давно умерла. Все это поднимает сюжет об обездоленных и несчастных на новую высоту, отличную от простых натуралистических описаний человеческих

страданий. Это особенность не только «униженных и оскорбленных», но и «прекрасных людей» (по определению Н.Г. Долининой [14. С. 49]), к которым, условно, относится Иван Петрович, и людей «страшных», таких, как князь Валковский.

У Эжена Сю в «Парижских тайнах» есть пронзительная история о Сухарике и Душегубе. Ее рассказывает в заключении некто Гобер таким же осужденным, как и он. Эта история о несчастном ребенке, попавшем в лапы жестокого негодяя, которого автор сравнивает с пауком. Образ паука у Сю очень точный и емкий, не случайно, что он встретится и в романе Достоевского.

Сравнение князя Валковского с пауком возникает у Ивана Петровича во время ужина в ресторане, где князь, не стесняясь, «описывает» перед «каким-то Шиллером» «всю свою подноготную» [2. Т. 3. С. 361]: «Он производил на меня впечатление какого-то гада, какого-то огромного паука, которого мне ужасно хотелось раздавить» [2. Т. 3. С. 358]. Эпитетом «гадкий» Иван Петрович характеризует и тон, каким разговаривает с ним князь. О том, что такая способность есть у князя, говорит и Маслобоев, школьный товарищ Ивана Петровича и поверенный в дела Валковского: «...он оплёл меня, две недели назад...подлец!» [2. Т. 3. С. 439]. Этот страшный человек, внешне, однако, привлекательный, не имеет ничего, хоть сколько-нибудь оправдывающего его порочную жизнь. Люди, униженные и оскорбленные, «не могут ничего изменить в окружающем их мире, где подлецы всегда торжествуют» [14. С. 183]. И все же Иван Петрович, как отважный Сухарик, однажды «бросится» на князя. «Я плюнул ему в лицо и изо всей силы ударил его по щеке». А Наташа, как та мушка, «бились и рвалась у него из рук, как в припадке» [2. Т. 3. С. 405]. Достоевскому важно показать читателю, что такие люди, как князь, почти никогда не проигрывают, потому что главное их оружие – лицемерие. А прекрасные люди Достоевского – умеют чувствовать других и «преодолевать себя, чтобы не принести никому боли» [14. С. 32].

Прообразом Валковского можно считать и князя из романа Ковалевского, что подтверждается и типологическим сравнением (сцена ловушки, в которой оказывается добродетельная героиня «Петербурга днём и ночью» Ольга Бенская), и художественным (описание образа князя Алексея и князя Валковского).

«Петербург днём и ночью»

Платье его было просто, но изящно, и он носил его с **каким-то кокетством**; большой бриллиант в перстне свидетельствовал ясно, что незнакомец зашел сюда, в обитель нищеты, из противоположной ей сферы; **серые глаза** блистали **странно** для неопытной девушки, всякий раз как обращались к ней. Ему было **далеко за сорок лет**: большой нос, большие губы, узкий и угловатый лоб и, вообще, черты лица резкие, грубые, **не могли внушить к нему доверия** с первого взгляду, тем более что и самые манеры его становились решительней [15. С. 112]

«Униженные и оскорбленные»

Это был человек лет **сорока пяти**, не больше, с правильными и чрезвычайно красивыми чертами лица, которого выражение **изменялось, судя по обстоятельствам**; <...> все это составляло почти красавца, а между тем **лицо его не производило приятного впечатления**. Это лицо именно отворачивало от себя тем, что **выражение его было как будто не свое, а всегда напускное, обдуманное, заимствованное, и какое-то слепое убеждение зарождалось в вас, что вы никогда и не добьетесь до настоящего его выражения**... Особенно останавливали ваше внимание его **прекрасные с виду глаза, серые, открытые**. **Одет он был с утонченной изящностью и свежестию, но с некоторыми замашками молодого человека, что, впрочем, к нему шло** [2. Т. 3. С. 245]

Неестественность в поведении и проявлении чувств отталкивает читателя от привлекательного с виду князя

Алексея и Валковского. Очевидно совпадение и в описании внешности героев. В поведении князя по отноше-

нию к Ольге прослеживается та же ситуация хищника и его добычи, которая восходит к роману Сю.: «Вид этого мужчины имел магическое значение на Оську» [10. С. 111], «Ольга» «отскочила с ужасом» [10. С. 112], «...дверь <...> плотно за ними захлопнулась» [10. С. 114], «Она должна была употребить всю свою силу, чтобы вырваться из рук его» [10. С. 117].

Характерно, что Достоевский, явно используя некоторые детали образов Ковалевского и Сю, вкладывает в уста героев отсылки к их произведениям. Так, Маслобоев, характеризуя князя Валковского, упоминает роман «Парижские тайны»: «Кто с ним связывается, тот не безопасен.... А ты уж и подумал, что я тебе бог знает какие **парижские тайны** хочу сообщить. И видно, что романист!» [2. Т. 3. С. 335]. А в устах Валковского содержится намек на Ковалевского, чья слава путешественника была на самом пике в это время: «Есть такие искатели приключений, что даже меня тошнит...» [2. Т. 3. С. 355]. Подразумеваемая знаменитого путешественника, Достоевский мог в этой короткой оценочной фразе (отрицательного героя!) дать отсылку и к еще памятному в момент написания и публикации «Униженных и оскорбленных» его фельетонному роману. Об этом пишет в комментариях к роману «Униженные и оскорбленные» Н.Ф. Буданова: «Возможно, намек на роман Е.П. Ковалевского “Петербург днем и ночью” (1845), описывающий жизнь социальных низов. Не исключено также, что язвительный выпад Валковского имел более широкую направленность и метил в писателей «натуральной школы» с их пристрастием к «низким» жан-

рам, (например, «физиологический очерк»), темам и героям» [19. С. 743]. Если данное предположение верно, то вкладывая в уста отрицательного персонажа подобную оценку, Достоевский косвенно подтверждает свое отношение и к роману Ковалевского, и к его личности – известного «Странствования...».

Роман Ковалевского мог заинтересовать Достоевского не только очевидными параллелями с французским романом-фельетоном в создании типов героев. «Петербург днём и ночью» – это вообще один из образцов русской романной беллетристики 1840-х гг., в котором нашли отражение передовые социально-демократические идеи времени. На идеологию будущих петрашевцев оказали влияние взгляды Белинского и А.И. Герцена. С образом ученого Пирожкова, стремящегося «к раскрытию тайн природы» [15. С. 35], Ковалевский вводит свои размышления, близкие герценовским взглядам. В 1845 г. в «Отечественных записках» были напечатаны «Письма об изучении природы», которые вызвали большой интерес у «нового поколения». «Молодежь не только в университете и Лицее читала мои статьи о “Дилетантизме в науке” и “Письма об изучении природы”, но и в духовных учебных заведениях» [20. С. 417], – напишет впоследствии в «Былом и думах» сам автор. Основная идея «Писем...» заключается в тесном взаимодействии естествознания и философии, и основа этого союза – «идея единства бытия и мышления» [21. С. 435]. Пирожков, посвятивший свою жизнь науке, приходит к выводу, что «мир нравственный и мир физический так тесно связаны между собой...» [15. С. 45].

«Письма об изучении природы»

Но знаете ли вы, что в самой природе, в этом вечном настоящем без раскаяния и надежды, живое, развиваясь, беспрестанно отрекается от миновавшей формы, обличает неестественным тот организм, который вчера вполне удовлетворял? Вспомните превращение насекомых, вечный пример бабочки и куколки. **Когда настоящее оперто только на прошедшее, оно дурно оперто** [22. Т. 3. С. 92].

Жизнь есть сохраняющееся единство многообразия, единство целого и частей; когда нарушена связь между ними, когда единство, связующее и хранящее, нарушено, тогда каждая точка начинает свой процесс [22. Т. 3. 100].

Философия развивает природу и сознание a priori, и в этом ее творческая власть; но природа и история тем и велики, что они не нуждаются в этом a priori: они сами представляют живой организм, развивающий логику a posteriori [22. Т. 3. 100]

«Петербург днём и ночью»

...всякое произвольное движение основано на борьбе двух сил между собою, двух антагонистических полюсов, положительного и отрицательного, что даже и **движение самого мира подчинено тем же законам, оперто на те же начала**, на сопротивление двух сил, центростремительной и центробежной [15. С. 37].

Прежде упорно отвергали ум у животных, волю у растений; но я вам доставлю сегодня же книжечку, которая покажет ясно, как живут некоторые животные и есть ли в их жизни ум. А растения: Боже мой, разве цветок, простирающий свою головку к солнцу, сжимающийся при наступлении темноты, передающий оплодотворяющую пыль другому, разве растение обнаруживает ясно своей жизни, своего *дыхания*. <...> И нет пределов органической жизни!.. [15. С. 45].

Рассматривая все различные силы, производимые природою или человеком, он наконец убедился, что только те из них могут существовать постоянно, относительно вечно, те только сообразны с законами природы и естественны, которые, следуя общему порядку, могут воспроизводиться постоянно или сами собою, или действием воли человека, без потребления начал, материалов, которых человек не в силах создать или природа не успевает производить соразмерно потреблению [15. С. 36].

В мире невозможен *вечный покой*, как невозможно и *вечное движение*. (выделено Ковалевским. – Авт.). Все живет, или существует, и обнаруживает свою жизнь, свое существование, или движением, или изменением форм, или по крайней мере влиянием на другие предметы [15. С. 45].

Ватт гений – природа творец! [15. С. 41]

Слова Пирожкова могли стать девизом передовой молодежи 40-х гг.: «Жизнь есть постоянное движение; жить – значит действовать» [15. С. 70].

Освоение демократических идей свойственно и Достоевскому. Роман «Униженные и оскорбленные» был написан от имени Ивана Петровича, русского писателя, автора романа о судьбе двух «париев» общества. В биографии писателя узнаваемы реалии 1840-х гг. и история жизни самого Достоевского – роман «Бедные люди», дружба с Белинским. И хотя Достоевский 1858 г. критически настроен к «социальному» учению «нигилистов», это не отменяет общего внимания и сочувствия оскорбленным и униженным, а также и уважения к кумиру молодежи 1840-х гг. Белинскому.

Интерес Ковалевского в романе к социальным проблемам был связан не только с изображением контрастов жизни, но в большой степени с изучением сложной, драматической судьбы поколения 1840-х гг. – он изображает судьбы людей из разных социальных укладов, рисует их психологию и меняющийся портрет. Это молодые люди, окончившие высшее учебное заведение: аристократы Невский и Финский, из слоев демократических – Охтин, Ленин, Миллер. В круг наблюдений попадает простой сибирский мужик-золотискатель Черных. Критическое исследование психологии целого поколения, представляющего время поисков и перемен, сообщало роману новизну и актуальность.

Герои романа проходят путь длиной в 10 лет. В его начале мы видим восторженных юношей, стоящих на пороге новой жизни, их мечты и надежды. Охтин, «благоразумнейший» из своих товарищей, мечтает об изучении языков. «Я изберу себе путь скромный, тихий без увлечений, без соблазнов света или славы, но тем *не* менее полезный» [15. С. 72]. Миллер мечтает стать художником. «Не пройдет двух-трех лет, как вы услышите имя Миллера в числе русских живописцев, и, может быть, с гордостью скажете: это друг наш» [15. С. 73]. Ленин собирается идти по другому пути: «Буду служить, сделаюсь чиновником... я надеюсь выйти вперед и показать другим, что мы трудились в училище не даром и приготовили немаловажную дань для пользы отечества» [15. С. 73]. Душа Невского настолько переполнена чувствами, «различными помыслами, стремлениями», что он еще не может решиться в определении карьеры, но убежден: «вы меня скоро увидите за делом» [15. С. 73]. И лишь Финский на вопрос Невского отвечает: «Ничего». «Не думаю». По этим ответам уже можно понять, насколько разные молодые люди. Но одно объединяет друзей – обет, который дали два года назад: «быть верными нашей дружбе и долгу чести» [15. С. 73].

В 1853 г., вспоминая прошлое, Герцен напишет о своей юности и дружбе с Огарёвым: «Ничего в свете не очищает, не облагораживает так отроческий возраст, не хранит его, как сильно возбужденный общечеловеческий интерес» [20. С. 74]. Вспоминается и клятва, данная на Воробьевых горах: «пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» [20. С. 76].

Ковалевский рассказывает о молодежи 1840-х гг., обращаясь как к социальному, так и нравственному аспектам. Герои, разные по происхождению, проходят разный путь с разным же жизненным итогом. Ковалевский, как будущий петрашевец, объясняет причины этих изменений. Сын дьячка Ленин и аристократ Невский по-разному воспринимают жизнь: «Мечты воображения, – заметил Ленин, – <...> это недостаток практической жизни...» [15. С. 42]. В Ленине Ковалевский отмечает холодный расчет, а в благородных дворянах – бездействие (Финский) и веру в судьбу (Невский). Ленин твердыми шагами идет к своей цели, переступая через других людей (чем ни «разумный эгоист»?!), Невский устроен иначе. Его романтический образ тоже не лишен жажды деятельности. Но способ ее отличен от Ленина. Его «всегдашняя деятельность» приведет в Сибирь, на золотые прииски, где он и закончит свой путь.

Создавая характеры бывших сокурсников, Ковалевский подчеркивает как социальный (разные сословия дают разные возможности для развития), так и этический элементы. Охтин встал на несправедливый путь, служит отрицательным героям романа. Миллер не смог стать знаменитым художником, но сохранил честь и достоинство. Выбор жизненного пути и способов достижения цели не зависит от бедности или богатства, считает Ковалевский. Эгоизм, позволяющий переступить через другого человека, безнравственен.

Эти же проблемы волнуют Достоевского и в юности, и в период написания романа. В 1840-е гг. этическое учение Фейербаха о разумном эгоизме, публицистика Герцена и Белинского были предметом острой полемики. Одно из выступлений автора «Бедных людей» у Петрашевского в конце 1840-х гг. было посвящено критике анархо-индивидуалистической теории Штирнера. В романе «Униженные и оскорбленные» Достоевский не без иронии вспоминает свое участие в общественно-политической жизни, описывая кружок Левеньки и Бореньки, который так напоминает встречи у Дурова и Пальма. *«Там было человек двенадцать разного народа – студентов, офицеров, художников; был один писатель... они все вас знают, Иван Петрович, то есть читали ваши сочинения и много ждут от вас в будущем. <...> Живут они в пятом этаже, под крышами; собираются как можно чаще, но преимущественно по средам, к Левеньке и Бореньке. Это все молодежь свежая; все они с пламенной любовью ко всему человечеству; все мы говорили о нашем настоящем, будущем, о науках, о литературе и говорили так хорошо, так прямо и просто...»* [2. Т. 3. С. 308–309]. Вкладывая эти пространные рассуждения в уста Алёши, который прямо называет этот кружок молодежи «утопистами», Достоевский показывает эгоистическую сущность героя: «...что бы ни говорили о нас, как бы ни судили о нас, – не смущаться ничем, не стыдиться нашей восторженности, наших увлечений, наших ошибок и идти напрямки» [2. Т. 3. С. 310]. Эгоизм Алёши Валковского «непосредственный, нерассуждающий», «столь же органический эгоизм, но с элементами рационализма,

изображенного иронически, присущ Кате», но наибольшей критике Достоевский подвергает индивидуалистическую теорию своекорыстных притязаний личности в образе князя Валковского, «вкладывая в его уста<...> целую циническую философию жизни, близкую ко взглядам Штирнера» [2. Т. 3. С. 527]. Крайнему выражению эгоизма противостоит Иван Петрович, который пытается помочь Наташе, Нелли, Ихменёвым.

Реалистические подробности, с которыми и Ковалевский, и Достоевский описывают судьбы своих героев, идеи времени, трансформирующиеся в их взглядах, проявляются и на уровне поэтики через синтез натуральных и сентиментальных форм. Роман «Петербург днём и ночью» заканчивается историей возвращения изобретателя-самоучки Пирожкова в «серенький домик». «Вы плачете, Ольга Петровна! Уж не случилось ли чего с маменькой... Да, ведь кажется... маменька ваша... Боже мой, я такой беспамятный... Что же это? Сон!.. Теперешнее состояние сон... или то был сон...» [23. С. 75]. Смерть маменьки Ольги, ее самой

через несколько дней, элегическая концовка романа-фельетона будут почти дословно воспроизведены в романе Достоевского «Униженные и оскорблённые», который он завершает следующими строками:

«Наташа взглянула на меня долгим, странным взглядом.

– Ваня, – сказала она, – Ваня, **ведь это был сон!**

– **Что было сон? – спросил я.**

– Все, все, – отвечала она, – все, за весь этот год. Ваня, зачем я разрушила твоё счастье?

И в глазах ее я прочел:

«Мы бы могли быть навеки счастливы вместе!» [2. Т. 3. С. 442].

Смерть Нелли, болезнь Ивана Петровича – финал тоже очень элегичный в манере сентиментального натурализма. Такие буквальные совпадения не могут быть случайными. Изменения, произошедшие с героями обоих произведений, подчеркиваются писателями и на уровне пейзажа: образ Петербурга, ключевой в романе Ковалевского, важен и для Достоевского.

«Петербург днём и ночью»

*«Утро вставало лениво, нехотя; как будто спросонок, как будто ему тошно было глядеть на Петербург. Занимался такой **серенький** туманный денек, что если бы не бой часов, да неторопливая беготня по тротуарам разного рабочего народа, начиная от простого поденщика до бедной чиновницы, смиренно шествующей со своей кухаркой на рынок, если бы не все эти признаки тревожной деятельности, то нельзя было бы узнать, что это день: таков он был! В других местах, да и в самом Петербурге, **иногда** вечер светлее такого новорожденного дня»* [24. С. 42]

«Униженные и оскорблённые»

*К вечеру, перед самыми сумерками, проходил я по Вознесенскому проспекту. Я люблю мартовское солнце в Петербурге, особенно закат, разумеется, в ясный, морозный вечер. **Вся улица вдруг блеснет, облитая ярким светом. Все дома как будто вдруг засверкают. Серые, желтые и грязно-зеленые цвета их потеряют на миг всю свою угрюмость; как будто на душе прояснеет, как будто вздрогнешь или кто-то подтолкнет тебя локтем. Новый взгляд, новые мысли...** Удивительно, что может сделать **один луч солнца с душой человека! Но солнечный луч потух**; мороз крепчал и начинал пощипывать за нос; сумерки густели; газ блеснул из магазинов и лавок [2. Т. 3. С. 169–170]. **Весь тот день мне было невыносимо грустно. Погода была ненастная и холодная; шел мокрый снег, пополам с дождем. Только к вечеру, на одно мгновение, проглянуло солнце и какой-то заблудший луч, верно из любопытства, заглянул и в мою комнату.** [2. Т. 3. С. 207]*

Пейзаж у Ковалевского в духе «натуральной школы» выражает отношение к происходящему повествователя через романтическое олицетворение утра, которое вовсе не радует, а антитеза вечера и «новорождённого дня» подчеркивает особенности конфликта. У Достоевского контраст в описании мартовского вечера

усиливается через сентиментальный образ луча², который встречается и в романе Ковалевского в связи с упоминанием любви Ольги Бенской, сравниваемой с «прикосновением благотворного луча» [15. С. 74].

И Ковалевский, и Достоевский используют яркие метафоры в описании Петербурга:

«Петербург днём и ночью»

*«Сумерки опускались ниже и ниже. Великолепный Петербург **важно драпировался в лохмотья своих туманов**»* [24. С. 15]

«Униженные и оскорблённые»

*И он быстрым, невольным жестом руки указал мне на туманную перспективу улицы, освещенную слабо мерцающими в сырой мгле фонарями, на грязные дома, на сверкающие от сырости плиты 20 тротуаров, на угрюмых, сердитых и промокших прохожих, на всю эту картину, которую обхватывал **черный, как будто залитый тушью, купол петербургского неба** [2. Т. 3. С. 212]*

Город – живое существо, действующее лицо, сопутствующее или даже участвующее в развитии событий: «Действительно, ночь была не хорошая. Ветер был волком и стонал как домовый. На взморье он трепал белые парусы, в городе белесоватые тучи, которые двигались густыми массами на черном небе и разметывал их клочками вправо и влево, а в **садишке**, что прилегал к **серенькому** дому, **издевался над**

гибкими березами, то гнул их к земле, то **сбивал трепетные** листочки. Ночь была, какие **сплошь и рядом бывают в Петербурге**, особенно под осень» [15. С. 22]. Такая погода предсказывает драматическую развязку, способствует похищению Оборвыша, метафорически указывает на беззащитные существа, живущие в любимом автором «сереньком доме», на долю которых тоже выпадут испытания. Символиче-

ское значение «серенького дома» в отношении автора к обыденному, знак внимания автора к жизни обыкновенного человека.

Ниточки от «Петербурга днём и ночью» тянутся и к другим произведениям Достоевского. В «Бедных людях» Макар Девушкин, делясь впечатлениями с Варенькой о «Шинели» Гоголя, упоминает характерную деталь: «... вот хоть бы и я, где мостовая плоховата, пройду иной раз на цыпочках, что я сапоги берегу!» [2. Т. 1. С. 62]. У Ковалевского, продолжающего традиции Гоголя: «он слишком бережет свои сапоги, чтобы предпринять такое дальнее путешествие» [24. С. 12] – так иронизируют сослуживцы над «маленьким человеком» Яжелбицким. А смерть Смольнева предвосхищает размышления перед самоубийством Свидригайлова. Образ Смольнева, выписанный в традициях романтизма (не случайно сравнение с Квазимодо), в то же время соответствует сентиментальному натурализму. Его романтическое злодейство объясняется реальными причинами, которые вызывают сочувствие читателя и ведут к нетрадиционному развитию конфликта фельетонного романа. Деньги никогда не были для него самоцелью: «Смольнев любил деньги, как средство в достижении своей цели, которая завладела им всем, одна, безграничная и всемогущая» [15. С. 158]. Как только он добился своего, он потерял смысл жизни, «впал в тоску всеограшающую; ему не оставалось ни надежды, ни желания в жизни, вскоре воображение его, привыкшее к деятельности, стало заменять карти-

ны существенности» [23. С. 70]. Только теперь он начинает чувствовать страх за совершенные преступления, ему мерещатся суды, пытки, он испытывает невыносимые страдания, даже пытается покончить жизнь самоубийством. Везде мерещатся тюремщики, которые приходят за ним. Его смерть наступает почти одновременно с княгиней Верой, «злодей» умирает, обладая огромным состоянием, в окружении людей, которых всегда использовал в своих целях.

Произведения Достоевского и Ковалевского, написанные в разное время, имеют между собой тесную взаимосвязь, которая основана на общности как идей, так и способов их воплощения. Неслучайность художественных пересечений двух писателей можно очень точно охарактеризовать словами Б.Г. Реизова в адрес романа «Униженные и оскорбленные»: «...никакое художественное произведение не свободно от влияния идей, живущих в данной среде, литературных традиций, проблематики эпохи. <...> От произведения, прочитанного художником, остается какой-то след – эмоция, смутный образ, проблема, может быть, и прежде тревожившая сознание. Вокруг концентрируется огромный материал познанного и пережитого; то, что сохранилось от прочитанного, рассматривается в новой системе причинных связей и ассоциаций. Эти «следы» становятся продуктом нового творчества, определенного закономерностями эпохи и творческого сознания художника» [26. С. 71].

Примечания

¹ Здесь и далее полужирный курсив мой. – Е.А. Все полужирные начертания применяются с целью выделения текстово-смысловых переключек между двумя авторами.

² Образ луча – один из распространенных образов сентиментальной литературы: «Последний луч жизни угасал», «...были ярким лучом света для ослепленного до того времени старца» (В.В. Измайлов. Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор) [25. С. 168–169], «томный луч огня, светившийся в монашеских кельях» (В.В. Измайлов. Ростовское озеро) [25. С. 145], «первый луч солнца осветил первое мое воззрение на свете» (Н. Мамышев. Варенька) [25. С. 313].

Список источников

1. Александрова Е.В. Е.П. Ковалевский и Ф.М. Достоевский: общественные и литературные связи // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 82–96.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
3. Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М. : Географгиз, 1956. 200 с.
4. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : АН СССР, 1953–1959.
5. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М. : Наука, 1986. 510 с.
6. Майков В.Н. Литературная критика. Л. : Художественная литература, 1985. 407 с.
7. Чекалов К.А. Российская «Мистерия» 1840-х годов: парадоксы восприятия романа Эжена Сю // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 6. С. 15–22.
8. Иллюстрация. 1845. Т. 1, № 25. С. 338.
9. Французская литература 30–40-х годов XIX века: «Вторая проза» : [сборник статей] / отв. ред. А.Д. Михайлов, К.А. Чекалов. М. : Наука, 2006. 415 с.
10. Гурвич И.А. Беллетристика в русской литературе XIX века. М. : Изд-во Российского открытого университета, 1991. 90 с.
11. Шкловский В.Б. За и против. М. : Сов. писатель, 1957. 259 с.
12. Чекалов К.А. Жанровый поиск раннего Эжена Сю. // Французская литература 30–40-х годов XIX века: «Вторая проза» : [сборник статей] / отв. ред.: А.Д. Михайлов, К.А. Чекалов. М. : Наука, 2006. С. 146–175.
13. Пасхарьян Н.Т. Федерик Сулье и становление романа-фельетона в XIX в. // Французская литература 30–40-х годов XIX века: «Вторая проза». М. : ИМЛИ РАН, 2006. С. 124–145.
14. Долинина Н.Г. Предисловие к Достоевскому. Л. : Детская литература, 1980. 257 с.
15. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1845. Т. 72. С. 17–174.
16. Сю Э. Парижские тайны. М. : Художественная литература, 1989. Т. 1. 608 с.
17. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. С. 17–64.
18. Жилкова Э.М. К вопросу о традициях сентиментализма в творчестве Ф.М. Достоевского 40-х годов // Проблемы метода и жанра. Томск : Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 3. С. 35–46.
19. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1989. Т. 4. 783 с.
20. Герцен А.И. Былое и думы : в 2 т. М. : Художественная литература, 1987. Т. 1. 671 с.
21. Герцен А.И. Собрание сочинений : в 9 т. М. : ГИХЛ, 1955. Т. 2. 516 с.

22. Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : АН СССР, 1954. Т. 3. 363 с.
23. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1846. Т. 76. С. 9–80.
24. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1846. Т. 75. С. 9–106.
25. Русская сентиментальная повесть. М. : Изд-во МГУ, 1979. 336 с.
26. Реизов Б.Г. «Униженные и оскорблённые» и проблемы зарубежной литературы // Русская литература. 1972. № 2. С. 62–77.

References

1. Aleksandrova, E.V. (2021) E.P. Kovalevsky and F.M. Dostoyevsky: social and literature connections. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 82–96. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/77/7
2. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Leningrad: Nauka.
3. Val'skaya, B.A. (1956) *Puteshestviya Egora Petrovicha Kovalevskogo* [Travels of Yegor Petrovich Kovalevsky]. Moscow: Geografiz.
4. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: USSR AS.
5. Druzhinin, A.V. (1986) *Povesti. Dnevnik* [Tales. A diary]. Moscow: Nauka.
6. Maykov, V.N. (1985) *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
7. Chekalov, K.A. (2014) Rossiyskaya “Misterimaniya” 1840-kh godov: paradoksy vospriyatiya romana Ezheny Syu [Russian “Mystery Mania” of the 1840s: Perception Paradoxes of Eugene Sue’s Novel]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2014. 6 (73). pp. 15–22.
8. *Ilyustratsiya* (1845). 25 (1).
9. Mikhaylov, A.D. & Chekalov, K.A. (eds) (2006) *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh godov XIX veka: “Vtoraya proza”* [French Literature of the 1830s – 1840s: “Second prose”]. Moscow: Nauka.
10. Gurvich, I.A. (1991) *Belletristika v russkoy literature XIX veka* [Belles-Lettres in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow: Russian New University.
11. Shklovskiy, V.B. (1957) *Za i protiv* [Pros and Cons]. Moscow: Sovetskii pisatel’.
12. Chekalov, K.A. (2006) Zhanrovyye poisk rannego Ezheny Syu [Genre search of early Eugene Sue]. In: Mikhaylov, A.D. & Chekalov, K.A. (eds) *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh godov XIX veka: “Vtoraya proza”* [French Literature of the 1830s–1840s: “Second prose”]. Moscow: Nauka. pp. 146–175.
13. Paskhar’yan, N.T. (2006) Federik Sul’e i stanovlenie romana-fel’etona v XIX v. [Federic Soulier and the formation of the feuilleton novel in the 19th century]. In: Mikhaylov, A.D. & Chekalov, K.A. (eds) *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh godov XIX veka: “Vtoraya proza”* [French Literature of the 1830s–1840s: “Second prose”]. Moscow: Nauka. pp. 124–145.
14. Dolinina, N.G. (1980) *Predislovie k Dostoevskomu* [Preface to Dostoevsky]. Leningrad: Detskaya literatura.
15. Kovalevskiy, E.P. (1845) Peterburg dnem i noch’yu [Petersburg day and night]. *Biblioteka dlya chteniya*. 72. pp. 17–174.
16. Sue, E. (1989) *Parizhskie tayny* [The Mysteries of Paris]. Translated from French. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Kovalevskiy, E.P. (1845) Peterburg dnem i noch’yu [Petersburg day and night]. *Biblioteka dlya chteniya*. 73. pp. 17–64.
18. Zhilyakova, E.M. (1976) K voprosu o traditsiyakh sentimentalizma v tvorchestve F.M. Dostoevskogo 40-kh godov [On the question of the traditions of sentimentalism in the works of Fyodor Dostoevsky in the 1840s]. In: Kanunova, F.Z. & Kiselev, N.N. (eds) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Tomsk: Tomsk State University. 3. pp. 35–46.
19. Dostoevskiy, F.M. (1989) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
20. Herzen, A.I. (1987) *Byloe i dumy* [My Past and Thoughts]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Herzen, A.I. (1955) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: GIKhL.
22. Herzen, A.I. (1954) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
23. Kovalevskiy, E.P. (1846) Peterburg dnem i noch’yu [Petersburg day and night]. *Biblioteka dlya chteniya*. 76. pp. 9–80.
24. Kovalevskiy, E.P. (1846) Peterburg dnem i noch’yu [Petersburg day and night]. *Biblioteka dlya chteniya*. 75. pp. 9–106.
25. Orlov, P.A. (ed.) (1979) *Russkaya sentimental’naya povest’* [Russian Sentimental Short Novel]. Moscow: Moscow State University.
26. Reizov, B.G. (1972) “Unizhennyye i oskorblennyye” i problemy zarubezhnoy literatury [Humiliated and Insulted and problems of foreign literature]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 62–77.

Информация об авторе:

Александрова Е.В. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Alexandrova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021;
одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 01.06.2021;
approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.